

«Ключ врага милосердного»

«Караван шел по пустыне... Солнце жгло. Золотые бугры песков пропадали в ослепительной дали. Небо тонуло в опаловом блеске. Впереди белой извилистой линией – дорога... Ее, собственно, не было. Дорогой здесь казались остовы павших верблюдов. Колодцы остались позади, и пилигримы взяли с собой воды на два дня. Только завтра они могут добраться до оазиса с чахлыми пальмами. Утром еще мерещились вдалеке чудесные марева с синими водами, с тенистыми рощами. Теперь и миражи пропали. Все замирало под строгим взглядом беспощадного солнца... Сонно покачивались всадники, следуя за проводником. Кто-то запел, но в пустыне и песня падает на душу слезами. И певший тотчас же смолк. Тишина... Только слышался равномерный шорох тонких ног, погружавшихся в песок, да шелест шелковых занавесок, за которыми прятались от зноя смуглолицые бедуинки. Все замирало, даже и душа человеческая! На пути встретился каравану умирающий араб; рядом лежал загнанный конь, белый на золотом песке; всадник, завернув в белый бурнус голову, положил ее на бездыханное тело своего друга... Бесстрастно проходили мимо верблюды. Никто из людей даже не повернул головы туда, где из-под белого шелка, остро и жадно следовал за ними взгляд погибавшего в пустыне... Уже весь караван миновал его. Только старик, ехавший позади, вдруг слез с седла и наклонился над арабом.

- Что с тобой?

- Пить! – только и мог проговорить умиравший.

Старик посмотрел вслед каравану – он медленно двигался в ослепительную даль, никто не оглядывался назад. Старик поднял голову в высоту, и оттуда вдруг почудилось ему что-то, какое-то веяние, проникавшее в его душу... Старик снял мехи с водой, обмыл сначала лицо и рот умирающему, потом дал ему сделать глоток... другой.

Лицо умирающего оживилось.

- Ты из рода Оммиадов?

- Да... - ответил старик.

- Я угадал по знаку на твоей руке... Я из Эль-Хамидов. Мы смертельные враги...

- В пустыне перед лицом Аллаха – мы только братья. Пей!.. Я стар, ты молод. Пей и живи...

Умирающий жадно припал к мехам... Старик посадил его на своего верблюда...

- Поезжай и расскажи своим о мести одного из Оммиадов.

- А ты?

- Мне все равно жить осталось мало.

- Поедем вместе.

- Нельзя. Верблюд мал, он не выдержит такой тяжести.

Араб колебался. Но он был молод, его ждала слава и любовь. Он молча сел... Остановился...

- У тебя есть родные?

- Никого! – ответил старик.

- Прощай!

Оставшийся долго смотрел ему в след... Он обманул своего врага... У него были дети, но они славились как храбрые воины... Он уже не нужен был им.

Караван исчез в ослепительной дали... Солнце жгло... Небо тонуло в опаловом блеске. Старик завернул голову в покрывало и лег лицом к земле.

Прошло несколько месяцев.

Та же пустыня. Так же пилигримы взяли в последнем оазисе с собой воды на два дня... Сонно покачивались всадники на утомленных верблюдах, и вдруг проводник остановился...

- Что там? – указал он вдаль. Нагонявшие его пилигримы тоже в изумлении глядели туда... Там, среди бесконечных песков, видна была зелень. Раскинулись высокие, гордые пальмы, меж пышно поднявшихся кустов журчал источник, и веселый лепет прохладных струй наполнял томную зловещую тишину окружающей пустыни... Яркие цветы нежным благоуханием, точно ласковым приветом, встречали утомленных путников.

У ручья лежало нетленное тело милосердного старика. Его подняли, обернули в шелковые покровы и повезли в оазис его рода.

Арабы говорят, что новый источник забил из глубочайших недр земли по велению Аллаха там, где в песок упало несколько капель воды из мехов старого шейха. Бедуины зовут этот чудесный оазис ключом врага милосердного».